

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 66-78
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.66

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Charity Practices in Russia of the XVIII – early XX centuries for Orphans and Children in Need of Social Support

Nadezhda V. Prisyazhnaya ^{a,*}, Margarita Yu. Timofeeva ^a, Anna A. Amirkhanyan ^a, Olga N. Bobrovskaya ^a

^aI.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Russian Federation

Abstract

This article examines the evolution of institutions caring for orphans in the Russian Empire from the 18th to the early 20th centuries. Drawing on archival and statistical material, the authors trace changes in the attitudes of the Russian state and society toward the issue of children deprived of parents. The legislative framework and resulting practical measures for arranging the lives of minor orphans are summarized. The development of a stable care system based on humanist principles is documented from the 18th to the early 20th centuries. At the same time, the specifics of state policy in each period are highlighted. For example, the solution to the orphanage issue under Peter the Great, in accordance with the objectives and spirit of the time, implied a unique form of enslavement for orphans, in which the provision of shelter and food necessitated their participation, from a certain age, in the creation of public goods. Attention is paid to the role of zemstvos in organizing care, noting the attention of local governments to the problem, along with the difficulties encountered. Public organizations, such as the Imperial Philanthropic Society, played a significant role in overseeing the homeless child population. The article uses the example of correctional and educational shelters within the system of institutions for orphans to demonstrate the Russian authorities' understanding of the correctional function of such institutions. Particular emphasis is placed on the regional aspect: the work of social institutions in Central and Southern Russia, as well as in Siberia, is examined separately. The article also highlights the gender aspect of child supervision, using shelters for girls as an example.

Keywords: social welfare, orphans, charitable assistance, orphanage, correctional and educational shelter.

1. Введение

Гуманистические взгляды заботливого отношения к нуждающимся членам общества присущи народу России на всех этапах развития и преобразования государственных формаций. Бесприютные дети, оставшиеся без родительского попечения и обречённые на неминуемую гибель либо от голода и болезней, либо от нравственного падения, становятся особым объектом государственной заботы.

Представляется, что исследуемый период – с XVIII по начало XX в. – наиболее полно отражает реализацию этих гуманистических взглядов: возможности государства ограничены нарастающими потребностями социальной защиты детей-сирот, и ведущая роль в создании приютов передаётся благотворительным попечительским организациям, в которых следование нравственным принципам сопряжено с оказанием всесторонней помощи обездоленным детям, а забота включает принятие ответственности за возникшие неудачи и непредвиденные последствия. Именно в этот исторический период сформировались устойчивые модели социальной поддержки детей-сирот, которые сочетали

* Corresponding author

E-mail addresses: prisyazhnaya_n_v@staff.sechenov.ru (N.V. Prisyazhnaya),
imofeeva_m_yu@staff.sechenov.ru (M.Y. Timofeeva),
amirkhanyan_a_a@student.sechenov.ru (A.A. Amirkhanyan),
bobrovskaya_o_n@staff.sechenov.ru (O.N. Bobrovskaya)

государственную инициативу с активной деятельностью общественных организаций, стремившихся обеспечить достойное будущее для наиболее уязвимых членов общества.

Актуальность исследования состоит, прежде всего, в обобщении материала, посвящённого сиротским учреждениям Российской империи на новых методологических основаниях. Необходимо выявить законодательные основы организации имперского социального обеспечения, чтобы затем определить соответствие реалий сиротского призрения имевшейся нормативно-правовой базе.

Комплексное исследование темы создания и функционирования приютов для детей-сирот на протяжении длительного исторического периода, основанное на анализе документальных источников и свидетельств современников, позволяет объективно оценить масштаб задач, которые стояли перед представителями общества, занимавшимися благотворительной деятельностью. Предметное изучение данной проблематики демонстрирует, насколько значительные усилия и эмоциональная вовлечённость требовались для обеспечения надлежащей опеки над детьми, оставшимися без попечения родителей.

2. Материалы и методы исследования

2.1. Исследование базируется на архивных материалах. Фундаментом для исследования выступил корпус статистических и отчётных данных, отложившихся в архивах. Были привлечены документы как центральных архивов – Российского государственного исторического архива (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация) и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), (Санкт-Петербург, Российская Федерация), так и региональных архивов – Государственного архива Костромской области (ГАКО) (Кострома, Российская Федерация); Государственного архива Тамбовской области (ГАТО) (Тамбов, Российская Федерация); Государственного архива Ростовской области (ГАРО) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация), что придаёт исследованию географическую релевантность и позволяет ознакомиться со спецификой работы социальных учреждений в нескольких ключевых имперских регионах. В частности, в исследовании использовались материалы Опекунского совета учреждений ведомства императрицы Марии (РГИА. Ф. 758) и Департамента полиции исполнителей (РГИА. Ф. 1286). Комплекс архивных источников важен тем, что содержит статистические данные, составленные по критериям количественного состава детей, их половозрастным признакам, болезням, выявляемым у детей, и моделям воспитательных заведений за период с середины XIX по начало XX в. (ЦГИА СПб. Ф. 411. Оп. 2. Д. 465. Л. 151; РГИА. Ф. 758. Оп. 26. Д. 471. Л. 240б., 26; ГАКО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 16. Л. 46; ГАТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 733. Л. 4; ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 529. Л. 190).

Также в исследовании были использованы нормативно-правовые акты, составляющие российское законодательство XVIII – начала XX в., материалы которого публиковались в специализированных сборниках. Правовая база, включая Свод законов Российской империи (ПСЗРИ, 1894; ПСЗРИ, 1880; ПСЗРИ, 1763; № 11908), уголовное законодательство и судебные документы (Судебные уставы..., 1864), приводится в соответствии с их публикациями в сборниках.

Привлечённые к исследованию материалы периодической печати и повременные издания (Диомидов, 1916; Журналы 45 очередного..., 1916; Журналы 46 очередного..., 1912) позволяют сделать выводы относительно реакции общества на проблему попечения детей-сирот.

2.2. Работа основывается на методологии исторической науки, принципах научной объективности и историзма. Проведённый критический анализ источниковой базы убедительно демонстрирует, что создание сиротских приютов способствовало развитию системы благотворительной помощи детям, нуждающимся в социальном сопровождении, при этом концепция благотворительности выступала ключевым фактором предотвращения гибели значительного числа детей, оставшихся без попечения родителей. Расширение сети различных типов воспитательных учреждений на территории Российской империи обусловило необходимость развития законодательной базы, регламентирующей их создание и функционирование. В рамках исследования, посредством анализа архивных документальных и законодательных источников, сформирована комплексная картина структуры и особенностей деятельности социальных учреждений для призрения детей-сирот. Данный анализ позволяет выявить характерные черты этих учреждений и продемонстрировать масштаб существовавшей социальной проблемы, а также оценить роль и значение благотворительных институтов в решении проблемы социального сиротства и их влияние на развитие системы социальной защиты в рассматриваемый исторический период.

Источниковый материал свидетельствует о реализации многочисленных эффективных проектов помощи, благодаря которым сформировались устойчивые модели организации опеки над детьми-сиротами. Концептуальные подходы к решению практических задач по созданию воспитательных домов для детей-сирот получили широкое распространение на территории Российской империи.

3. Обсуждение

Историография вопроса может быть систематизирована по хронологическому принципу: от более ранних исследований, изданных в годы Российской империи, до более поздних советских и

современных российских исследований, связанных с систематизацией преобразования институтов государственного попечения и их замещением благотворительными формами деятельности.

Так, исследование Н.В. Яблокова затрагивает проблематику воспитательных домов, причём автором выявляются особенности функционирования данного типа учреждений для контроля над несовершеннолетними детьми-сиротами, включая тайный приём младенцев (Яблоков, 1901). Первым историко-компаративистским трудом, в рамках которого проводится сравнение российского и иностранного опыта социального сопровождения беспризорных детей, стала небольшая работа М.Д. Ван-Путерена (Ван-Путерен, 1893). Интересны наработки педагога-практика Н.Н. Жеденова, выступившего инициатором создания детских приютов-самопомощи (Жеденов, 1896). В качестве обобщающих работ по истории детской беспризорности и преступности в имперский период историографическую ценность представляют работы Д.Г. Тальберга (Тальберг, 1882), М. Ошанина (Ошанин, 1912) и С.В. Бахрушина (Бахрушин, 1913).

Нельзя обойти вниманием работы, посвящённые региональному измерению социального призрения, типичным примером которых являются статьи И. Герд о сиротском доме Тамбовского губернского земства (Герд, 1903) или Б.П. Ручинского о социальных мероприятиях Уфимского губернского земства (Ручинский, 1912). В этом же смысле интересен очерк о Большевском ремесленно-исправительном приюте в Московском уезде (Большевский приют, 1884).

С позиции исторической документалистики следует признать важным исследование М.В. Шимановского, опирающееся на фактические данные статистических отчётов и заключений о деятельности учреждений социального призрения для детей-сирот, отражающие наиболее сложные задачи, разрешаемые приютами – это, прежде всего, данные о врачебных осмотрах и помощи заболевшим, о высокой смертности детей от различных инфекционных болезней, о попытках спасти детей от смерти, регулярном фельдшерском надзоре за детьми, переданными в приёмные семьи (Шимановский, 1888).

Необходимо констатировать историографическую лакуну в вопросе об имперском призрении несовершеннолетних в советский период (не считая эпизодических упоминаний), что обусловлено идеологическими причинами: противоестественностью понятия «благотворительность» для марксистско-ленинской догматики, стремлением замолчать достижения «царизма» в этой области и проигнорировать роль Православной Церкви в заботе о беспризорниках и сиротах.

На постсоветский период приходится пик научно-исследовательского осмысления дореволюционной системы социального сопровождения. Познавательными, с точки зрения актуализации проблематики нарастания значения учреждения государственных институтов защиты детства, следует признать исследования, направленные на анализ первого исторического опыта деятельности таких заведений с начала XVIII до начала XIX в. (Степанова, 2008; Фруменкова, 2008; Скляр, 2008; Жиляева, 2010). В исторических исследованиях затрагиваются различные аспекты видового разнообразия приютских учреждений в зависимости от специфики региона и потребностей социального сопровождения детей-сирот, а также особенности воспитательно-трудовых элементов при обучении детей старшего возраста (Маханцова, 2014; Сиренко, 2008; Букреева, Сиренко, 2014а).

В работе И.В. Синовой постулируется, что в первой половине XIX в. были учреждены благотворительные организации, направленные на социальное призрение детей-сирот, в которых впервые внедряется идея, предполагающая не только физическое выживание детей, но и обеспечение их доступными формами образования – что было призвано способствовать формированию у воспитанников навыков и компетенций, необходимых для ведения самостоятельной жизни после достижения установленного возраста выхода из приюта (Синова, 2022).

Российские исследователи постсоветского периода пришли к выводу, что вторая половина XIX в. отражает основные гуманистические идеи, связанные с созданием благотворительных учреждений для детей-сирот. Прежде всего, такие учреждения открываются для призрения детей работающих матерей (Морозова, 1999), а также для призрения круглых сирот на условиях полного пансиона или полупансиона (Любушкина, 2015; Сергеева, 2004; Сиренко, 2008). В исследованиях отмечается необходимость одновременного решения множества задач, от организационных до практических, включая вопросы финансового обеспечения – в частности, выделения средств на развитие новых и поддержание деятельности имеющихся приютов для детей-сирот (Морозова, 1991; Маханцова, 2014; Степанова, 2008). Актуализация вопросов приобщения детей-сирот к посильному труду, а также освоению различных ремёсел проходит красной нитью множества исторических исследований. При этом наибольшей ценностью обладают труды, описывающие возможности, предоставляемые детям-сиротам социальными учреждениями для дальнейшей самостоятельной жизни (Ратгур, 2012; Степанова, 2008; Ковалева, 2008 и др.).

Создание на благотворительные средства исправительно-воспитательных приютов для нищенствующих детей, а также сирот, совершивших правонарушения, действующих с XIX до начала XX в., свидетельствует о необходимости обеспечения социального призрения бесприютным детям, вынужденным выживать на улице, прося милостыню и совершая мелкие кражи. Исследования, посвящённые этим аспектам, отражают динамику развития благотворительности и практические

вопросы помощи оступившимся детям путём приобщения к труду и вовлечённости в общественные дела (Слугина, 2012; Белова, 2021; Тальберг, 1881; Диомидов, 1916).

В современных исследованиях, посвящённых проблемам социального попечения детей-сирот в период с XVIII до начала XX в., проводится анализ социально-экономических факторов, препятствующих успешной реализации задач социального призрения детей-сирот и детей, нуждающихся в социальном сопровождении, и особенно такой его форме, как передача детей под патронаж (Морозова, 2023), что формирует у людей устойчивое мнение о сохранении приютов для сирот в качестве базовой и основной формы социальной защиты детства.

4. Результаты

4.1. Первые упоминания о развитии системы государственного призрения в отношении детей-сирот связаны с изданием 4 ноября 1715 г. Петром I Указа об устройстве в Москве и других городах при церквях госпиталей для «засорных» младенцев, рождённых вне законного брака. Целью являлось предотвращение детоубийства и смертности от иных причин, а также обеспечение анонимности оставления детей матерями (Указ Петра I, 1715: 47). В Москве такую функцию выполнял Новодевичий монастырь. Следует отметить, что все церковные учреждения, действуя с одобрения государства, рассматривали детей-сирот как потенциальных работников, позволяя использовать труд воспитанников без выплаты вознаграждения – что, в целом, соответствовало существовавшим социально-экономическим условиям того времени. Данная практика представляла собой одну из ранних форм институционализации государственного попечения над детьми, лишёнными родительского попечения, и закладывала основы для последующего развития системы социальной защиты детства в Российской империи.

По мнению М.В. Раттур, это становилось своеобразной формой закабаления сирот, при которой предоставление крова и пищи предполагало необходимость их участия, с определённого возраста, в создании общественного блага (Раттур, 2012: 111). По состоянию на 1724 г., в Московской губернской канцелярии обслуживалось более 850 детей старше 8 лет, содержание которых обходилось казне в 4731 руб. ежегодно (Степанова, 2008: 69).

Провозглашая идею государственного воспитания детей-сирот, Петр I ставил целью воспитание детей, оставшихся без родительского попечения, как будущих работников и военнослужащих, способных обеспечить сохранение и развитие империи – и, в целом, был далёк от формата замещения семьи в структуре социальной поддержки, однако указывал на необходимость создания специализированных учреждений для обеспечения жизнедеятельности и подготовки к взрослой жизни детей-сирот. Вследствие этого сиротские учреждения характеризовались строгими методами воспитания, направленными на подготовку воспитанников к службе в армии и к выполнению общественно значимых задач. Суровая дисциплина и регламентированный режим в этих заведениях были призваны сформировать у детей необходимые навыки и качества для успешного функционирования в обществе и защиты государственных интересов.

В период правления Екатерины II активно развиваются учреждения для детей-сирот, создаётся двухуровневая система социальной помощи: Приказы общественного призрения и Попечительская опека для охраны интересов людей дворянского происхождения, включая сиротские суды (Беляева, 2015: 102). Согласно манифесту от 1 сентября 1763 г. «Об учреждении в Москве Воспитательного дома с особым госпиталем для неимущих родильниц» (Фруменкова, 2008: 68) строится государственное учреждение, направленное на воспитание детей-сирот, способных в дальнейшем служить отечеству при освоении навыков различных ремёсел, полезных не только для их жизни, но и для государства.

Реализация задач, возложенных на Воспитательный дом, оставалась бы невыполнимой без вмешательства влиятельных и состоятельных членов общества, таких как П.А. Демидов и И.И. Бецкой, взявших на себя опекунские полномочия и кураторство вопросов снабжения и медицинского обеспечения детей. Эти аспекты в период деятельности Воспитательного дома подробно изложены Т.Г. Фруменковой (Фруменкова, 2008: 68-69), которая отмечала, что за возможность вступления в опекунский совет Воспитательного дома боролись несколько участников, каждый из которых должен был делами доказать свою способность к выполнению опекунских обязанностей. Вместе с тем из отчётов И.И. Бецкого следует, что в Воспитательном доме существовали постоянные проблемы с надлежащим питанием детей и оплатой труда кормилиц, нанятых для ухода за сиротами, а также отсутствием прилежного надзора за детьми (РГИА. Ф. 758. Оп. 26. Д. 471. Л. 240б., 26). Кроме того, И.И. Бецкой столкнулся с неумелостью преподавательского состава, приглашённого для обучения детей различным ремёслам. В результате ему пришлось досрочно расторгать контракты с некоторыми учителями, не оплатив полного жалованья, поскольку дети не показывали навыков освоения нового ремесла (РГИА. Ф. 758. Оп. 5. Д. 21. Л. 7–70б., 13–20; Д. 176. Л. 1–9).

Известный факт о чрезвычайной смертности сирот в младенческом возрасте также оказывал существенное влияние на оценку эффективности его деятельности среди современников (Скляр, 2008: 105). Вместе с тем за несколько лет своей деятельности Московский Воспитательный дом принял более 3 тыс. младенцев, которые смогли получить социальную заботу (Жилиева, 2010: 14).

При высоких эпидемических рисках и скромных возможностях лекарственного обеспечения этот факт следует признать значительным достижением.

Открытый в марте 1770 г. Воспитательный дом в Санкт-Петербурге за весь период своей работы получил под опеку более 30 тыс. детей, постоянно находящихся на его финансировании при участии благотворительности и добровольных пожертвований. Среди особенностей данного учреждения можно выделить несколько моментов: прежде всего, на его попечение передавались не только сироты, но и дети родителей, не способных их содержать, а также фокусирование на воспитании детей старшего возраста, поскольку маленьких детей при поступлении переправляли в Московский Воспитательный дом (Фруменкова, 2007: 69).

Предполагалось, что Воспитательные дома позволят решить не только задачи, связанные с призрением осиротевших детей, но также и с устройством ремесленных училищ для освоения детьми различных ремёсел. В этой связи самые способные воспитанники обучались иностранным языкам, аптекарскому делу и рисованию. Самые одарённые получали шанс поступить в Московский университет, а для девушек – получить особый статус после курса Смольного института благородных девиц (Степанова, 2008: 71).

По Указу Святейшего Синода от 31 декабря 1763 г. «сиропитательницы» стали открываться во многих городах: Костроме, Тамбове, Туле и находились под управлением Приказов общественного призрения. Вместе с тем государственное попечение не справлялось с задачами финансирования подобных учреждений, а императрица Екатерина II всё более склонялась к тому, что сиротские заведения должны устраиваться за счёт благотворительных средств состоятельных членов общества (ПСЗРИ, 1763: № 11908).

Воспитательные дома не могли вместить всех сирот, нуждающихся в призрении. И само содержание в таком учреждении могло нести тяжёлые последствия, связанные с массовыми заболеваниями и высокой смертностью. Это во многом определило введение с 1768 г. практики передачи здоровых детей в крестьянские семьи под патронаж, с выплатой вознаграждения, что позволило не только значительно снизить показатели детской смертности, но и обеспечить пропитание нуждающимся семьям.

В дальнейшем на развитие сиротских благотворительных организаций повлияло Императорское человеколюбивое общество, созданное под покровительством Дома Романовых. Создание нескольких форм благотворительной помощи для нуждающихся с 1800-х гг. было реализовано в этот период посредством оказания содействия нуждающимся матерям и устройства приютов для детей-сирот, которые рассматривались в качестве особой формы благотворительного попечения без государственного вмешательства (Раттур, 2012: 114). Однако смертность детей в сиротских домах от различных причин была столь высокой, что в последующем предлагалась и такая форма попечения, как выплата пособия женщине, родившей ребёнка до достижения им возраста трёх лет, чтобы она могла сама обеспечить его выживаемость (Шимановский, 1888: 9).

Однако высокая детская смертность стала фактором пересмотра концепции призрения сирот в воспитательных домах и перехода к формированию идеи о вредности и губительности создания воспитательных домов для детей. 3 июля 1828 г. император Николай I издал указ «О воспреещении дальнейшего открытия Воспитательных домов в губерниях под ведением Приказов общественного призрения» (ПСЗРИ, 1880: 2125). Это решение не привело к уменьшению количества бесприютных детей, но переориентировало общественное сознание в сторону благотворительного попечения.

Уже в 1839 г. было утверждено Положение о Детских приютах (Комитет., 1840: 5), из содержания которого следовало, что «дети, поступающие в приют... должны получить... не только образование, но... и все, связанное с поддержанием здоровья, питания, занятий». Средства на содержание приютов поступали от благотворительных обществ и добровольных пожертвований. В основном приюты создавались для приходящих детей в возрасте не менее пяти лет из бедных или приёмных семей всех сословий, терпящих бедственное финансовое положение. При этом дети, в зависимости от возраста, распределялись таким образом, чтобы младшие находились лишь под присмотром, а старшие принимали участие в трудовом обучении. Кроме того, устав Попечительства предусматривал обучение детей и подростков различным ремёслам в мастерских под надзором опытных наставников. Фактически устанавливалась обязанность активного участия детей в каждодневных заботах о жизни в приюте (РГИА. Ф. 1288. Оп. 14-1905. Д. 212. Л. 30–31 об.). Весь период нахождения детей в приюте сопровождался врачебным контролем, который касался прежде всего санитарно-гигиенических вопросов их содержания (ЦГИА СПб. Ф. 411. Оп. 2. Д. 465. Л. 151).

Приюты создавались по всей России, отличаясь лишь количеством принимаемых детей и спецификой функционирования как полного пансиона или полупансиона (то есть с дневным или круглосуточным пребыванием). К середине XIX в. в Санкт-Петербурге действовало 19 приютов для приходящих детей, в которые принимали в основном детей от 3 до 10 лет (Синова, 2022: 485). В Тамбовской губернии первый детский приют был открыт на частные пожертвования 21 апреля 1847 г. В Приюте на полном пансионе призревало 150 детей от 3 до 7 лет, и за 30 лет своей работы число призреваемых достигло 1371 мальчика и 2035 девочек (Герд, 1903: 122).

В Костроме 10 июня 1847 г. открылся детский Мариинский общесословный приют для детей обоего пола, принявший до 40 мальчиков и девочек (ГАКО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 16. Л. 46). Принимались лишь круглые сироты, способные к 12 годам освоить какое-либо ремесло и полноценно участвовать в хозяйственных работах. При этом, в отличие от столичных приютов, где девочек, например, обучали плетению кружев, детей приобщали к таким видам деятельности, которые наиболее соответствовали народным промыслам: прясть на самопрялке, шить простое бельё, тачать башмаки и заниматься огородничеством (Ковалева, 2008: 239).

Александровский приют для мальчиков в Костроме был открыт лишь 40 лет спустя, в октябре 1895 г., а Мариинский приют с этого времени стал принимать к призрению только девочек (ГАКО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 256. Л. 157). В приют принимались круглые сироты от 6 до 12 лет на круглосуточное пребывание. Всё время обучения подчинялось строгому распорядку и связывалось со временами года. В зимний период обучение чередовалось с освоением ремёсел. Принятые в приют мальчики проходили обучение ремёслам и ручному труду – плетению корзин и склейке коробок. В летний период общеобразовательные занятия прекращались, и детей привлекали к работам в огороде. Старших детей обучали столярному и токарному мастерству. Из документальных источников также следует, что в приюте проводились занятия по переплётному делу, позволявшие иметь сторонние заработки с продажи готовых изделий на заказ (ГАКО. Ф. 400. Оп. 2. Д. 110. Л. 112). Тем не менее, отмечалось, что, несмотря на хороший уход и качественное питание, многие дети болели. Среди основных заболеваний, выявляемых при врачебных осмотрах, наиболее часто встречался рахит, а также болезни желудочно-кишечного тракта, которые наносили максимальный ущерб детскому здоровью.

В пореформенный период, связанный с передачей земствам функционала Приказов общественного призрения, неожиданно выяснилось, что в ряде регионов вообще не было специализированных учреждений, направленных на оказание помощи и заботы о детях-сиротах. Такой функционал выполняли богадельни и больницы, где дети содержались вместе со взрослыми в неудовлетворительных условиях (Морозова, 2023: 529). Поэтому создание сиротских домов становится одной из важнейших задач российского земства. Так, например, с образованием Саратовского земства связано открытие в 1866 г. Земского сиротского дома, функционал которого построен на основе яслей для присмотра за малолетними детьми работающих женщин. Первоначально земство выделяет на нужды яслей 2,9 тыс. руб., постепенно увеличивая содержание до 37 тыс. руб. за десять лет его работы (Морозова, 1991: 180). В 1880 г. ясли перешли под управление Губернского попечительства, и с этого момента произошла переориентация яслей в приют для брошенных детей. Позднее Саратовское губернское земское собрание приняло резолюцию об устройстве Земского сиротского дома с полным пансионом пребывания детей-сирот, который функционировал до 1917 г.

4.2. Развитие социальной помощи детям-сиротам на рубеже XIX – начала XX вв.

Согласно Высочайше утверждённому Положению о детских приютах ведомства учреждений Императрицы Марии Федоровны (ПСЗРИ, 1894: 531) от 18 июля 1891 г. (далее – Положение о приютах), государственные сиротские учреждения заместились благотворительными организациями, создаваемыми на средства частных учредителей из милосердия и сострадания к сиротам, оставшимся без родительского попечения по различным причинам, но прежде всего в результате частых эпидемий, уносивших жизни многих людей.

Среди всех благотворительных заведений Петербурга детские приюты были наиболее востребованным сегментом социальной помощи, составляя не менее 33 % от их общего числа (Заколотная, 2011: 149). Такие учреждения создавались как в губерниях, так и уездах, а также на селе. Приюты для детей оказывали призрение детям обоего пола «без различия звания, вероисповедания, сословия и происхождения», при предоставлении им религиозно-нравственного воспитания и начального образования, при установлении такой необходимости. В земских приходских и сельских школах воспитанникам уездных и сельских приютов обеспечивалось получение начального образования по программам народных училищ, утверждаемых Министерством народного просвещения (Букреева, Сиренко, 2014а: 4).

При этом, как отмечали исследователи, именно в этот период реализуется принцип «...единства воспитания, образования и ремесленной подготовки воспитанников в стенах одного заведения» (Сиренко, 2008: 84). Исходя из буквального содержания Положения о приютах, учреждение предоставляло призрение детям матерей на время дневных работ, а также принимало круглых сирот и полусирот (то есть детей родителей, не способных к содержанию и воспитанию своих детей) на постоянной основе.

Детей старшего возраста предполагалось обучать в ремесленных классах с целью получения навыков различных ремёсел и рукоделия. Так, с целью приобщения к домашнему труду, девочек привлекали к приготовлению пищи, уборке в комнатах, стирке белья, рукоделию, а также уходу за садом и выращиванию овощей. Освоение ремесла должно было подготовить выпускников приютов к самостоятельной жизни, профессиональной реализации и получению средств к существованию.

Так, например, в Уфимской губернии было открыто 11 городских приютов, принадлежащих Ведомству учреждений императрицы Марии. Как правило, они подразделялись на приюты для

мальчиков и приюты для девочек, но также встречались и смешанные формы, особенно в раннем детском возрасте. Кроме общеобразовательной подготовки, велось распределение детей для обучения ремёслам в зависимости от их потенциала и проявляемой склонности. В приютах для девочек велось обучение ткацкому мастерству, вязанию кружев, в том числе приглашённым специалистом из Санкт-Петербургской школы кружевниц (Сиренко, 2008: 86). При этом основное внимание уделялось освоению навыков выполнения домашней работы и приготовления пищи, которые воспринимались как необходимой составляющей жизни взрослой женщины.

Профессиональное и трудовое воспитание позволяло задействовать призреваемых детей во множестве выполняемых работ по поддержанию порядка и хозяйственных делах. Это касалось уборки помещений, стирки белья, мелкого ремонта, присмотра за младшими детьми, что создавало оптимальные условия развития детей в обстановке необходимой требовательности и вовлечённости в дела их общего дома.

В приютах для мальчиков создавались мастерские по ремонту и производству различных вещей, закрывавшие потребности не только самих приютов, но и позволявшие зарабатывать деньги. Так, в мастерских по пошиву одежды и обуви можно было изготавливать изделия на заказ и получать собственные средства, распределяя их на необходимые нужды. В сельских приютах для детей, сирот привлекали к работам в огороде и садах, обучая деятельности с различными сельскохозяйственными культурами и готовя специалистов для аграрной отрасли. Известный пример создания практической школы огородничества и пчеловодства имени Губернатора Ключарева описан в ряде научных и практических источников как передовой опыт вовлечения детей в реализацию процесса трудового воспитания, подчёркивающий необходимость ранней ориентации детей к выбору будущей деятельности (Букреева, Сиренко, 2014b: 2).

Вместе с тем основным способом призрения детей-сирот в сельской местности оставался патронаж, состоящий в приискании детям приёмных воспитателей, способных их кормить и заботиться длительное время (Ручинский, 1912: 20).

Нетипичными, с точки зрения привычных форм общественного призрения детей-сирот следует признать такие, которые нашли своё воплощение на Дону и Северном Кавказе во второй половине XIX в. Например, «убежища полного пансиона», «денные приюты для маленьких детей», «дома трудолюбия» и отдельно функционирующие мастерские, а также подразделяющиеся по категориям: для детей воинов, ушедших на войну, для сирот горнорабочих, для детей лиц, освобождённых из мест заключения (Любушкина, 2015: 95). Так, в Ростове-на-Дону в 1890-е гг. Александровским благотворительным обществом открыто убежище для детей на 60 человек. Убежище, как место безопасности и поддержки предполагало краткосрочность пребывания в нём детей в возрасте от 5 до 12 лет. Таганрогское общество призрения неимущих и помощи нуждающимся с 1892 г. стало призывать детей-сирот, оставшихся без родителей в результате смерти от холеры. Сиротский приют Таганрога принял 47 таких детей (ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 529. Л. 190).

В Новочеркасске в 1876 г. попечительством о бедных открыт Мариинский детский приют, в котором были учреждены рукодельные классы, где дети обучались шитью и вязанию (Отчёт комитета..., 1902).

В Тульской губернии среди благотворительных заведений преобладал тип полного призрения для детей-сирот. Например, в Николаевском приюте, учреждённом Ведомством Императрицы Марии Федоровны, одновременно содержалось более 100 детей в возрасте от 5 до 9 лет, которые в период пребывания осваивали азы арифметики и чистописания, а также всеобщую историю. Кроме того, девочек учили вязанию и шитью, стирке белья, а мальчиков – переплётному мастерству и ткачеству (Сергеева, 2004: 156). Востребованным оказался также и формат яслей для малолетних детей работающих матерей. Например, Красноглазовский приют «Ясли» ежедневно принимал от 15 до 30 детей (Обзор..., 1914).

В Симбирской губернии земства фактически перенесли функционал призрения за детьми-сиротами на различные благотворительные общества, ограничившись лишь финансовым участием в заботе. Так, Сиротский дом в Симбирской губернии был передан под попечение благотворительного общества Христианского милосердия в 1866 г. А позднее попечение о 15 девочках было поручено Попечительству о детских приютах с обязательным внесением платы за содержания каждой воспитанницы в размере 120 руб. в год от земства, передававшего ребёнка (Маханцова, 2014: 138).

Саратовский сиротский дом, о котором упоминалось ранее, состоял из двух отделений: «грудного» и «хлебного», при этом детей грудного возраста становилось всё больше, и к 1900 г. их количество достигло 108 человек (Журналы 45 очередного..., 1916). За более чем десятилетний период его существования он принял до 2117 детей, а на его содержание затрачено более 70 тыс. руб., что превышает объём первого взноса в четыре раза (Назаров, 2022: 97).

Поскольку одновременное проживание большого количества детей в сиротском учреждении неизменно создавало риски повышения заболеваемости и смертности детей, развитие находила также система передачи детей на воспитание в семью. К 1911 г. патронажная система Саратовского земства представляла собой передачу детей в крестьянские семьи на условиях возмездного воспитания. При этом, чем старше был ребёнок, передаваемый в семью, тем меньше средств получала

принявшая его семья: 48,8 руб. за ребёнка до 7 лет и 12 рублей за ребёнка старше этого возраста (*Журналы 46 очередного..., 1912*).

Следует также отметить, что патронажная форма призрения детей позволяла сократить земские расходы на содержание детей-сирот, однако удалённость расположения уездных земств не способствовала распространению такого опыта: дети нуждались во врачебном присмотре, который было невозможно обеспечить даже за счёт фельдшерской службы.

Вместе с тем исследователями отмечалось, что именно передача детей на воспитание в патронажную семью способствовала получению детьми правового статуса, которого были лишены сироты в приютских учреждениях (*Морозова, 2023: 532*). Статус гражданства устанавливался губернским земским собранием и позволял наделять сирот наделом земли для будущей вольной жизни (*Журналы 46 очередного..., 1912: 31*).

Патронажная форма воспитания стала особенно популярна до периода Первой мировой войны, когда в семье передавалось по 50 человек в год, и в дальнейшем практически сошла на нет, поскольку для оставшихся без кормильцев женщин стало невыгодным содержать ребёнка-сироту; для женщин, мужья которых участвовали в боевых действиях, был предусмотрен отдельный паёк, которого хватало на удовлетворение потребностей в питании, но не на благотворительные дела (*Журналы 46 очередного..., 1912: 32*).

4.3. Исправительно-воспитательные приюты в системе учреждений для детей сирот

Следует отметить также, что дети, остававшиеся без родительского попечения, занимались попрошайничеством и нищенствовали, нередко становясь участниками различных правонарушений и могли втягиваться взрослыми в преступный промысел. Таких детей год от года не становилось меньше, и при совершении преступлений они подлежали наказаниям, исполнение которых осуществлялось путём помещения в исправительно-воспитательные приюты, создаваемые благотворительными организациями.

Согласно Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1894 г., «несовершеннолетние от десяти до семнадцати лет могут... быть обращаемы в исправительные приюты на срок, определяемый мировым судьёй, но с тем, чтобы не оставлять их там по достижении восемнадцатилетнего возраста» (*Судебные уставы..., 1864*). Так, первый учебно-исправительный приют был открыт на частные пожертвования под Саратовом 20 сентября 1873 г. В него по решению Саратовского окружного суда направлялись осуждённые дети обоего пола, а также полные сироты, нищие и бесприютные дети с десятилетнего возраста в связи с мелкими правонарушениями (*Белова, 2021: 20*).

Документальные источники свидетельствуют, что число находящихся в учреждении детей никогда не было одинаковым, однако в нём преобладали лица мужского пола. Только за первый год с момента открытия в нём содержалось 17 мальчиков и пять девочек по решению суда (*Диомидов, 1916: 225*).

Все находящиеся в приюте воспитанники обучались чтению и письму, закону Божьему, а также ремёслам, освоение которых вело к возможности самостоятельной жизни (*Тальберг, 1881: 26*). Трудовое воспитание детей в исправительном приюте предполагало обучение вязанию и шитью, а также огородничеству и садоводству. При этом по окончании сроков нахождения в учреждении воспитанники ещё в течение трёх лет находились под патронажем правления, осуществлявшего содействие их вольной жизни (*Устав приюта..., 1873: 14*).

В дальнейшем воспитательно-трудовые учреждения подразделялись не только по признаку пола, но и по видам трудовой деятельности, которым обучались дети. Так, в Москве по решению общества Поощрения трудолюбия, состоявшего в ведомстве Императорского Человеколюбивого общества, в 1873 г. был открыт Большевский ремесленно-исправительный приют для малолетних девочек, в который принимались нищенствующие дети от 4 до 14 лет, оставаясь в нём до достижения 16 лет (*Большевский приют..., 1884*). Дети, находившиеся в приюте, обучались грамоте и простому ремеслу, что создавало возможность зарабатывать на жизнь трудом.

В 1890 г. в Туле обществом Земледельческих колоний и ремесленных приютов был учреждён Тульский Баташевский исправительный приют, основой финансирования которого стали частные капиталы почётного гражданина АС. Баташева. В отчётах Министерства юстиции за 1900 г. значилось, что воспитанники приюта от 13 до 18 лет осваивали столярное ремесло, а позднее в приюте открылась Школа садоводства, огородничества и пчеловодства (*ГАТО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 733. Л. 4*). Однако малые сроки наказания, назначаемые за совершённые правонарушения, не позволяли воспитанникам освоить полный курс обучения ремеслу, но все выпускники, обычно, были обучены грамоте и письму (*Слугина, 2012: 451*).

5. Заключение

Таким образом, представляется, что в проведённом исследовании затрагиваются актуальные вопросы перспективных направлений развития учреждения и деятельности организаций для детей-сирот и детей, нуждающихся в социальной поддержке.

Отечественные благотворительные организации, действовавшие в период с XVIII по начало XX в., оказали содействие в призрении десятков тысяч бесприютных детей, предоставляя не только кров и питание, но также обучая грамоте и ремеслу. Представляется, что приведённые в

исследовании аргументы убедительно доказывают высокую значимость социального попечения детей-сирот, а представленные примеры такого попечения позволяют сосредоточить внимание на конкретных потребностях социальной защиты детства на данном историческом этапе.

Масштабное развитие системы социальной помощи детям-сиротам характеризовалось не только количественным ростом учреждений, но и качественным совершенствованием форм и методов работы с данной категорией детей, что позволило выработать устойчивые каноны организации опеки и попечительства.

Таким образом, исторический опыт организации социального призрения детей-сирот в России демонстрирует формирование с XVIII по начало XX в. устойчивой системы попечения, основанной на принципах гуманизма, преваляции воспитательно-трудовой направленности, профессионального наставничества и комплексного развития личности ребёнка, последовательно совмещавшей элементы защиты и покровительства, предоставляя заботу в рамках существующих в указанный период социальных норм и требований социального контроля.

Исследование показывает, что последовательное развитие институтов социального призрения детей-сирот базировалось на комплексной основе, включающей как законодательные, так и этические принципы. Каждый из этих принципов способствовал существенной трансформации существующих моделей социальной поддержки, обеспечивая стабильность и эффективность функционирования таких перспективных форм социального призрения, как учреждение приютов и практика семейного патронажа в указанный исторический период.

Литература

Бахрушин, 1913 – Бахрушин С.В. Малолетние преступники и бродяги в Москве: исторический очерк. М.: Гор. тип., 1913. 51 с.

Белова, 2021 – Белова Н.А. Воспитательно-исправительные учреждения для несовершеннолетних женского пола в России во второй половине XIX – начале XX века // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2021. №1(224). С. 18-24.

Беляева, 2015 – Беляева Ю.А. Правовые меры защиты беспризорных детей-сирот в имперский и революционный периоды: исторический экскурс // *Юристы – Правоведъ*. 2015. №3 (70). С. 101-105.

Большевский приют..., 1884 – Большевский ремесленно-исправительный приют для нищенствующих девочек (Моск. уезд). Очерк деятельности приюта с основания его по 1 января 1884 года. М.: Печатня С. П. Яковлева, 1884. С. 108.

Букреева, Сиренко, 2014а – Букреева Л.Я., Сиренко Ю.В. Региональный исторический опыт социальной защиты детей-сирот как механизм оказания помощи нынешним нуждающимся детям (на примере Уфимской губернии XIX века до 1917 года) // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология*. 2014. №3 (143). С. 26-31.

Букреева, Сиренко, 2014б – Букреева Л.Я., Сиренко Ю.В. Профессионально-трудовая подготовка как одно из направлений социально-педагогической деятельности с детьми-сиротами (из опыта дореволюционной Уфимской губернии) // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология*. 2014. №3 (143). С. 20-25.

Ван-Путерен, 1893 – Ван-Путерен М.Д. О способах призрения бесприютных детей в России и за границей: Публичная лекция М. Д. Ван-Путерена, приват-доцента Воен.-мед. акад., чит. в пользу О-ва вспомоществования бедным больным, выходящим из клиник Воен.-мед. акад., 9 марта 1893 г. СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1893. 20 с.

ГАКО – Государственный архив Костромской области.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

ГАТО – Государственный архив Тамбовской области.

Герд, 1903 – Герд И. Сиротский дом Тамбовского губернского земства // *Сборник-календарь Тамбовской губернии*. Тамбов, 1903. С. 121-123.

Диомидов, 1916 – Диомидов И.М. Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют // *Журнал Министерства юстиции*. 1916. № 3. С. 225.

Жеденов, 1896 – Жеденов Н.Н. Детские сельскохозяйственно-кустарные приюты самопомощи. История их, устройство и жизнь. СПб.: Кн. маг. Фену, 1896.

Жиляева, 2010 – Жиляева С.К. История призрения сирот в России как государственная проблема в XVIII веке // *История государства и права*. 2010. № 2. С. 13-19.

Журналы 46 очередного..., 1912 – Журналы 46-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1911 года. Саратов: типография Саратовской губернской земской управы, 1912.

Журналы 45 очередного..., 1916 – Журналы 45-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1914 года. Саратов: типография Саратовской губернской земской управы, 1916.

Заколотная, 2011 – Заколотная В.Н. Государство и общество в деле организации социальной помощи детям-сиротам в Петербурге и губернии во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина*. 2011. № 3. Т. 4. С. 145-150.

Ковалева, 2008 – Ковалева Л.А. Детские приюты как форма помощи бедным в Костромской губернии // *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика.* 2008. №5. Т. 14. С. 237-242.

Комитет..., 1840 – Комитет главного попечительства детских приютов. Положение о детских приютах. СПб.: Типография Мин-ва внутр. дел, 1840. 112 с.

Любушкина, 2015 – Любушкина Е.Ю. Деятельность благотворительных общественных организаций по открытию приютов для детей на Дону во второй половине XIX – начале XX вв. // *Гуманитарные юридические исследования.* 2015. №4. С. 94-97.

Маханцова, 2014 – Маханцова Е.В. Роль земства в сфере детского призрения в Симбирской губернии во второй половине XIX - начале XX в. // *Власть.* 2014. № 5. С. 137-140.

Морозова, 1991 – Морозова Е.Н. Саратовское земство, 1866-1890 / Под ред. Н.М. Пирумовой. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1991. 180 с.

Морозова, 2023 – Морозова Е.Н. Формы благотворительной деятельности Формы Саратовского земства: социальная защита детства (1870–1910 годы) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения.* 2023. Т. 23. Вып. 4. С. 528-536.

Назаров, 2022 – Назаров В.В. Земское здравоохранение Саратовской губернии в 60-е гг. XIX – начала XX вв. Саратов: Саратовский источник, 2022. 197 с.

Обзор..., 1914 – Обзор Тульской губернии за 1914 год. Тула: Типография Губернского правления, 1915.

Отчёт комитета..., 1902 – Отчёт комитета Донского попечительства о бедных за 1902 год. Новочеркасск, 1903.

Ошанин, 1912 – Ошанин М. О призрении покинутых детей. Ярославль: Типолитография Губернской Земской Управы, 1912. 283 с.

ПСЗРИ, 1763 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. за 1649 – 1825. Т. 16. № 11908.

ПСЗРИ, 1880 – Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Т.3. ст. 2125. Указ императора Николая I от 3 июля 1828 г. «О воспреещении дальнейшего открытия воспитательных домов в губерниях под ведением Приказов общественного призрения». СПб., 1880.

ПСЗРИ, 1894 – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. 11. СПб., 1894. С. 531.

Сергеева, 2004 – Сергеева А. Из истории Николаевского детского приюта // *Тульский краеведческий альманах.* Тула: ИНФРА, 2004. Вып. 2. С. 156-157.

Синова, 2022 – Синова И. В. Быт и питание воспитанников благотворительных заведений для детей Санкт-Петербурга в середине XIX – начале XX веков // *Научный диалог.* 2022. Т. 11. № 10. С. 480-496.

Сиренко, 2008 – Сиренко Ю.В. Организация трудового воспитания и профессиональной подготовки в детских приютах Уфимской губернии конца XIX – начала XX веков // *Вестник ЧГПУ.* 2008. С. 82-91.

Скляр, 2008 – Скляр Т.В. Социальная деятельность в делах призрения малолетних детей в России (XVI – XX века) // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.* 2008. № 2. С. 103-107.

Слугина, 2012 – Слугина Н.В. Благотворительные социально-педагогические заведения для детей в Туле и Тульской губернии в конце XIX – начале XX вв. // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки.* 2012. № 3. С. 448-453.

Степанова, 2008 – Степанова И.А. Социально-правовая защита детства в России в XVIII веке // *Педагогическое образование.* 2008. №3. С. 67-74.

Судебные уставы..., 1864 – Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны: Ч. 1 / Изданные Государственной канцелярией. 2-е издание, дополненное. СПб.: в типографии 2 отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867.

Раттур, 2012 – Раттур М.В. Ретроспективный анализ приоритетов государственного управления социальной защитой детства в России // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2012. №1(21). Т.5. С. 111-122.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Ручинский, 1912 – Ручинский Б.П. О призрении покинутых детей Уфимским губернским земством. Уфа, 1912. 20 с.

Тальберг, 1882 – Тальберг Д.Г. Исправительные приюты и колонии в России. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1882. С. 26.

Фруменкова, 2007 – Фруменкова Т.Г. Предыстория и начальная история Санкт-Петербургского воспитательного дома (1763–1796) // *Universum: Вестник Герценовского университета.* 2007. №9. С. 65-71.

Фруменкова, 2008 – Фруменкова Т.Г. Опекунство Московского Воспитательного дома в царствование Екатерины II // *Universum: Вестник Герценовского университета.* 2008. №7. С. 68-76.

Шимановский, 1888 – Шимановский М.В. Патронат в России. Одесса, 1888. С. 9.

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

Устав приюта..., 1873 – Устав учебно-исправительного приюта в Саратове. Саратов, 1873. С. 14.

Указ Петра I, 1715 – Указ Петра I. «О гошпиталяхъ». Указы блаженные и вечnodостойныя памяти государя императора Петра Великого самодержца всероссийскаго: 1780, 1096 с. Федеральное государственное бюджетное учреждение «Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prilib.ru/item/722633> (дата обращения: 01.12.2025).

Яблоков, 1901 – Яблоков Н.В. Призрение детей в воспитательных домах. СПб.: Государственная типография, 1901. 71 с.

References

Bahrushin, 1913 – Bahrushin, S.V. (1913). Maloletnie prestupniki i brodjagi v Moskve: istoricheskiy ocherk [Juvenile delinquents and vagrants in Moscow: a historical essay]. М.: Gor. tip. 51 p. [in Russian]

Belyaeva, 2015 – Belyaeva, Ju.A. (2015). Pravovye mery zashhity besprizornyh detej-sirot v imperskij i revoljucionnyj periody: istoricheskiy jekskurs [Legal measures for the protection of homeless orphans in the imperial and revolutionary periods: a historical overview]. *Yurist" – Pravoved.* 3(70): 101-105. [in Russian]

Belova, 2021 – Belova, N.A. (2021). Vospitatel'no-ispravitel'nye uchrezhdenija dlja nesovershennoletnih zhenskogo pola v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Correctional institutions for female juveniles in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy.* 1(224): 18-24. [in Russian]

Bol'shevskii priyut..., 1884 – Bol'shevskii remeslenno-ispravitel'nyi priyut dlja nishchenstvuyushchikh devochek (Mosk. uezd). Ocherk deyatel'nosti priyuta s osnovaniya onogo po 1 yanvarya 1884 goda [Bolshevsky craft and correctional shelter for destitute girls (Moscow district). An overview of the shelter's activities from its founding to January 1, 1884]. М.: Pechatnya S. P. Yakovleva, 1884. P. 108. [in Russian]

Bukreeva, Sirenko, 2014a – Bukreeva, L.Ja., Sirenko, Ju.V. (2014). Regional'nyj istoricheskiy opyt social'noj zashhity detej-sirot kak mehanizm okazaniya pomoshhi nyneshnim nuzhdajushhimsja detjam (na primere Ufimskoj gubernii XIX veka do 1917 goda) [Regional historical experience of social protection of orphans as a mechanism for providing assistance to today's children in need (using the example of the Ufa province of the 19th century before 1917)]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 3: Pedagogika i psihologija.* 3(143): 7-12. [in Russian]

Bukreeva, Sirenko, 2014b – Bukreeva, L.Ja., Sirenko, Ju.V. (2014). Professional'no-trudovaja podgotovka kak odno iz napravlenij social'no-pedagogicheskoj dejatel'nosti s det'mi-sirotami (iz opyta dorevoljucionnoj Ufimskoj gubernii) [Vocational training as one of the areas of social and pedagogical activity with orphans (from the experience of the pre-revolutionary Ufa province)]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 3: Pedagogika i psihologija.* 3(143): 1-6. [in Russian]

Diomidov, 1916 – Diomidov, I.M. (1916). Saratovskij Galkinskij учебно-ispravitel'nyj priyut [Saratov Galkinsky educational and correctional shelter]. *Zhurnal Ministerstva justicii.* 3: 225. [in Russian]

Frumenkova, 2007 – Frumenkova, T.G. (2007). Predystorija i nachal'naja istorija sankt-peterburgskogo vospitatel'nogo doma (1763 – 1796). [Prehistory and initial history of the St. Petersburg Foundling Home (1763 – 1796)]. *Universum: Vestnik Gercenovskogo universiteta.* 9: 65-71. [in Russian]

Frumenkova, 2008 – Frumenkova, T.G. (2008). Opekuny Moskovskogo Vospitatel'nogo doma v carstvovanie Ekateriny II [Guardians of the Moscow Foundling Home during the reign of Catherine II]. *Universum: Vestnik Gercenovskogo universiteta.* 7: 68-76. [in Russian]

GAKO – Gosudarstvennyi arkhiv Kostromskoi oblasti [State Archive of the Kostroma Region].

GARO – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State Archive of the Kostroma Region].

GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti [State Archive of the Tambov Region].

Gerd, 1903 – Gerd, I. (1903). Sirotskij dom Tambovskogo gubernskogo zemstvo. Sbornik-kalendar' tambovskoj gubernii [Orphanage of the Tambov provincial zemstvo. Collection-calendar of the Tambov province]. Tambov. Pp. 121-123. [in Russian]

Komitet..., 1840 – Komitet glavnogo popechitel'stva detskih prijutov. Polozhenie o detskih prijutah. [The Committee for the General Trusteeship of Orphanages. Regulations on Orphanages]. Sankt-Peterburg: Tipografija Min-va vnutr. del. 112 p. [in Russian]

Kovaleva, 2008 – Kovaleva, L.A. (2008). Detskie prijutы kak forma pomoshhi bednym v Kostromskoj gubernii [Orphanages as a form of assistance to the poor in Kostroma province]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika.* 5: 237-242. [in Russian]

Lyubushkina, 2015 – Lyubushkina, E.Ju. (2015). Deyatel'nost' blagotvoritel'nyh obshhestvennyh organizacij po otkrytiju prijutov dlja detej na Donu vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Activities of charitable public organizations to open shelters for children in the Don region in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Gumanitarnye juridicheskie issledovanija.* 4: 94-97. [in Russian]

Mahancova, 2014 – Mahancova, E.V. (2014) Rol' zemstva v sfere detskogo prizrenija v Simbirskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [The role of the zemstvo in the sphere of children's welfare in the Simbirsk province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vlast'.* 5: 137-140. [in Russian]

Morozova, 1991 – Morozova, E.N. (1991). Saratovskoe zemstvo, 1866–1890 [Saratovskoe zemstvo, 1866–1890]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 180 p. [in Russian]

- Morozova, 2023** – *Morozova, E.N.* (2023). Formy blagotvoritel'noj dejatel'nosti Saratovskogo zemstva: social'naja zashhita detstva (1870–1910 gody). [Forms of charitable activity of the Saratov Zemstvo: social protection of children (1870–1910)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija*. 23: 528-536. [in Russian]
- Nazarov, 2022** – *Nazarov, V.V.* (2022). Zemskoe zdravooхранenie Saratovskoj gubernii v 60-e gg. XIX – nachala XX vv. [Zemstvo health care in the Saratov province in the 1860s - early 20th centuries]. *Saratov: Saratovskij istochnik*. 197 p. [in Russian]
- Obzor..., 1914** – *Obzor Tul'skoj gubernii za 1914 god.* [Review of Tula province for 1914]. Tula: Tipografija Gubernskogo pravlenija. 1915. [in Russian]
- Oshanin, 1912** – *Oshanin, M.* (1912). O prizrenii pokinutyh detei [On the care of abandoned children]. Yaaroslavl': Tipolitografija Gubernskoj Zemskoj Upravy. 283 p. [in Russian]
- Otchet komiteta..., 1902** – *Otchet komiteta Donskogo popechitel'stva o bednykh za 1902 god* [Report of the Don Committee for the Guardianship of the Poor for 1902]. Novocherkassk, 1903. [in Russian]
- PSZRI, 1763** – *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. za 1649–1825* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. T. 16. № 11908. [in Russian]
- PSZRI, 1880** – *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2. SPb., 1880. P. 2125. [in Russian]
- PSZRI, 1894** – *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. *Sobranie tret'e. Vol 11. Sankt-Peterburg*, 1894. P.531. [in Russian]
- Rattur, 2012** – *Rattur, M.V.* (2012). Retrospektivnyj analiz prioritetov gosudarstvennogo upravlenija social'noj zashhitoy detstva v Rossii [A retrospective analysis of priorities in public administration of child welfare in Russia]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*. 1(21): 111-122. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arhiv [Russian State Historical Archive].
- Ruchinskij, 1912** – *Ruchinskij, B.P.* (1912). O prizrenii pokinutyh detej Ufimskim gubernskim zemstvom [On the care of abandoned children by the Ufa provincial zemstvo]. Ufa. 20 p. [in Russian]
- Sergeeva, 2004** – *Sergeeva, A.* (2004). Iz istorii Nikolaevskogo detskogo prijuta [From the history of the Nikolaev orphanage]. *Tul'skij kraevedcheskij al'manah*. Tula: INFRA. Pp. 156-157. [in Russian]
- Shimanovskij, 1888** – *Shimanovskij, M.V.* (1888). Patronat v Rossii [Patronage in Russia]. Odessa. P. 9. [in Russian]
- Sinova, 2022** – *Sinova, I.* (2022). V. Byt i pitanie vospitannikov blagotvoritel'nyh zavedenij dlja detei Sankt-Peterburga v seredine XIX – nachale XX vekov [The life and nutrition of the pupils of charitable institutions for children in St. Petersburg in the mid-19th – early 20th centuries]. *Nauchnyj dialog*. 10: 480-496. [in Russian]
- Sirenko, 2008** – *Sirenko, Ju.V.* (2008). Organizatsiya trudovogo vospitaniya i professional'noi podgotovki v detskich priyutakh Ufimskoi gubernii kontsa XIX – nachala XX vekov [Organization of labor education and vocational training in orphanages of the Ufa province in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik ChGPU*. Pp. 82-91. [in Russian]
- Sklyar, 2008** – *Sklyar, T.V.* (2008). Sotsial'naya deyatelnost' v delakh prizreniya maloletnikh detei v Rossii (XVI – XX veka) [Social activities in the care of young children in Russia (16–20th centuries)]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2: 103-107. [in Russian]
- Slugina, 2012** – *Slugina, N.V.* (2012). Blagotvoritel'nye social'no-pedagogicheskie zavedenija dlja detej v Tule i Tul'skoj gubernii v konce XIX – nachale XX vv. [Charitable social and pedagogical institutions for children in Tula and the Tula province in the late 19th and early 20th centuries]. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 3: 448-453. [in Russian]
- Stepanova, 2008** – *Stepanova, I.A.* (2008). Social'no-pravovaja zashhita detstva v Rossii v XVIII veke. [Social and legal protection of childhood in Russia in the 18th century]. *Pedagogicheskoe obrazovanie*. 3: 67-74. [in Russian]
- Sudebnye ustavy..., 1864** – *Sudebnye ustavy 20 nojabrja 1864 goda* [Judicial Statutes of November 20, 1864]. S.-Peterburg: v tipografii 2 otdelenija Sobstvennoj E.I.V. Kanceljarii, 1867. [in Russian]
- Tal'berg, 1882** – *Tal'berg, D.G.* (1882). Ispravitel'nye prijuty i kolonii v Rossii [Correctional shelters and colonies in Russia]. SPb.: Tipografija V. S. Balasheva. P. 26. [in Russian]
- TSGIA SPb** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of St. Petersburg].
- Ukaz Petra I, 1715** – *Ukaz Petra I. «O goshpitaljah».* Ukazy blazhennyja i vechnodostojnyja pamjati gosudarja imperatora Petra Velikago samodержca vserossijskago [Decree of Peter I. "On hospitals". Decrees of the blessed and eternally worthy of memory Sovereign Emperor Peter the Great, Autocrat of All Russia]. [Electronic resource]. URL: <https://www.prlib.ru/item/722633> [in Russian]
- Van-Puteren, 1893** – *Van-Puteren, M.D.* (1893). O sposobah prizrenija bespriutnyh detej v Rossii i za granicej: Publichnaja lekcija M. D. Van-Putereņa, privat-docenta Voen.-med. akad., chit. v pol'zu O-va vspomoshhestvovaniya bednym bol'nym, vyhodjashhim iz klinik Voen.-med. akad., 9 marta 1893 g. [On methods of caring for homeless children in Russia and abroad: Public lecture by M. D. Van-Puteren, associate professor of the Military Medical Academy, delivered in favor of the Society for Assistance to Poor

Patients Leaving the Clinics of the Military Medical Academy, March 9, 1893]. SPb.: Tip. Doma prizrenija maloletnih bednyh. 20 p. [in Russian]

Yablokov, 1901 – *Yablokov, N.V.* (1901). Prizrenie detej v vospitatel'nyh domah [Care of children in orphanages]. SPb.: Gosudarstvennaja tipografija. 71 p. [in Russian]

Zakolodnaya, 2011 – *Zakolodnaya, V.N.* (2011). Gosudarstvo i obshhestvo v dele organizacii social'noj pomoshhi detjam-sirotam v Peterburge i gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [The state and society in organizing social assistance to orphans in St. Petersburg and the province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*. 3: 145-150. [in Russian]

Zhedenov, 1896 – *Zhedenov, N.N.* (1896). Detskie sel'skohozejstvenno-kustarnye prijuty samopomoshhi. Istorija ih, ustrojstvo i zhizn' [Self-help children's agricultural and artisanal shelters. Their history, structure, and life]. SPb.: Kn. mag. Fenu. [in Russian]

Zhiljaeva, 2010 – *Zhiljaeva, S.K.* (2010). Istorija prizrenija sirot v Rossii kak gosudarstvennaja problema v XVIII veke. [The history of orphan care in Russia as a state issue in the 18th century]. *Istorija gosudarstva i prava*. 2: 13-19. [in Russian]

Zhurnaly 45 ocherednogo..., 1916 – Zhurnaly 45-go ocherednogo Saratovskogo gubernskogo zemskogo sobranija sessii 1914 g. Saratov. [Minutes of the 45th regular Saratov provincial zemstvo assembly session of 1914, Saratov]. Tipografija Saratovskoj gubernskoj zemskoj upravy. 1916. 263 p. [in Russian]

Zhurnaly 46 ocherednogo..., 1912 – Zhurnaly 46-go ocherednogo Saratovskogo gubernskogo zemskogo sobranija sessii 1911 goda g. Saratov [Minutes of the 46th regular Saratov provincial zemstvo assembly session of 1911, Saratov]. Tipografija Saratovskoj gubernskoj zemskoj upravy. 1912. P. 31. [in Russian]

Практики призрения в России XVIII – начала XX в. детей-сирот и детей, нуждающихся в социальном сопровождении

Надежда Владимировна Присяжная ^{a, *}, Маргарита Юрьевна Тимофеева ^a,
 Анна Александровна Амирханян ^a, Ольга Николаевна Бобровская ^a

^a Первый МГМУ им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется эволюция институтов призрения за детьми-сиротами в Российской империи XVIII – начала XX в. Привлекая архивный и статистический материал, авторы прослеживают изменения в отношении российского государства и общества к проблеме детей, лишённых родителей. Обобщается законодательная база и вытекающие из неё практические меры по обустройству быта несовершеннолетних сирот. Констатируется формирование с XVIII по начало XX в. стабильной системы попечения, основанной на принципах гуманизма. Вместе с тем показывается специфика государственной политики в тот или иной период. Например, решение сиротского вопроса при Петре I, в соответствии с задачами и духом того времени, подразумевало своеобразную форму закабаления сироты, при которой предоставление крова и пищи предполагало необходимость его участия, с определённого возраста, в создании общественного блага. Уделено внимание роли земств в организации призрения, отмечается внимание местного самоуправления к проблеме, наряду с имевшими место трудностями. Большое значение в осуществлении контроля за беспризорным детским контингентом выполняли общественные организации, например, Императорское человеколюбивое общество. На примере исправительно-воспитательных приютов в системе учреждений для детей-сирот показано понимание российскими властями исправительной функции подобных учреждений. Особый акцент сделан на региональном аспекте: отдельно рассмотрена работа социальных учреждений в Центральной и Южной России, а также в Сибири. Наряду с этим в статье на примере приютов для девочек освещается гендерный аспект надзора над детьми.

Ключевые слова: социальное призрение, дети-сироты, благотворительная помощь, воспитательный дом, исправительно-воспитательный приют.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: prisyazhnaya_n_v@staff.sechenov.ru (Н.В. Присяжная), timofeeva_m_yu@staff.sechenov.ru (М.Ю. Тимофеева), amirkhanyan_a_a@student.sechenov.ru (А.А. Амирханян), bobrovskaya_o_n@staff.sechenov.ru (О.Н. Бобровская)